

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

ЭСТЕТИКА
И ЛИТЕРАТУРНАЯ
КРИТИКА

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

ЭСТЕТИКА
И ЛИТЕРАТУРНАЯ
КРИТИКА

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1984

с образом друга его и с оттенками начертанной мною картины. Как романист, я увлекся изображением местностей и природы, которые рамою своею обставили героя рассказа моего. Тут люблю воображать его, отыскивать его соотношения с миром, его окружающим. Упомянутая мною эпоха почти принадлежит уже до эпох допотопных; лица в ней действующие на сцене, если не публично, то по крайней мере на блестящей сцене домашнего театра, едва ли не баснословные лица для нового поколения. Хотя Нелединский дожид до нашего времени, но и он цветущими, лучшими годами своими принадлежал той эпохе давноминувшей. Предание, воспоминание мое связывают и меня с нею. Я приостановился на перепутье и окинул глазами отдаленный край, ныне опустевший, но в котором Нелединский некогда жил и был душою приятельского общества.

[О СЛАВЯНОФИЛАХ]

С основною мыслью, изложенною во мнении г-на Рихтера, я совершенно согласен. Скажу так же, как он: не знаю, вредно ли, или нет, направление так называемое *славянофильское*. Но прибавлю к словам его, что, судя об этом направлении в отношении чисто литературном (которое одно подлежит нашему суждению), невозможно, по мнению моему, признавать в нем ничего предосудительного. Если же под литературною вывеской скрывается тайна политическая и вредный умысел, то это дело другое. Но оно уже не подлежит цензуре, а высшему правительству. Цензура же должна судить не лицо, не автора, а только представляемое им сочинение. Если совращать ее с прямых правил, коими руководствоваться она должна в силу данного ей устава, если требовать от цензуры, чтобы она иначе смотрела на рукопись *так называемого славянофила*, нежели на рукопись, например, последователя *так называемой натуральной школы*, то суждения ее будут неминуемо пристрастны, своевольны и, следовательно, противозаконны.

Обращаясь к прозванию *славянофилов*, нельзя не заметить, что это прозвание насмешливое, данное одной литературной партией другой партии. Это чисто семей-

ные, домашние клички. Лет за сорок пред сим мы же, тогда молодые литераторы карамзинской школы, так прозвали А. С. Шишкова и школу его¹. В последнее время прозвище это воскресили и обратили его к некоторым московским литераторам, приверженцам старины. Из журнальных сплетней и пересмешек возникло пугало, облеченное политической таинственностью. Собственно же судя о *славянофильстве* по его словопроизводству, мудрено заключить, что может быть вредного в любви к славянам, нашим предкам и одноплеменным братьям, и в любви к славянскому языку, который был языком нашей истории и есть язык нашей церкви? Отказаться от чувства любви ко всему славянскому значило бы отказаться нам от истории нашей и от самих себя. Государь император Николай I в достопамятных словах своих, обращенных к профессорам, сказал: «Надобно сохранить то в России, что *искони бь*». Следовательно, должно сохранять и родовое чувство любви к славянскому нашему происхождению.

Повторяю, если где-нибудь и в ком-нибудь под оболочкою славянолюбия таится нечто другое и вредное, то должно преследовать и преграждать это *другое*, но нельзя преследовать *славянолюбия*, иначе пришлось бы преследовать чувство и образ мыслей чисто русские и свойственные каждому из нас, кому только дороги имя русского и сопряженные с этим именем родственные, семейные и духовные предания нашей народной, исторической и государственной жизни.

Что же касается прямо до статьи о богатырях, я никак не могу доискаться в ней политического значения, и, во-первых, просто потому, что не могу признать автора ее сумасшедшим. А одному безумию можно было бы приписать намерение противодействовать существующему законному порядку полуисторической, полубаснословною картиной нравов, обычаев и порядка, существовавших в России почти за 1000 лет до нас. Даже и сетования об этой отдаленной эпохе могут быть так же невинны и чужды всякого политического умысла, как общие сетования поэтов о золотом веке. А поэтому, за исключением двух или трех мест в цитатах, приводимых автором из древних песней, я полагаю, что статья г-на Аксакова в теперешнем ее изложении не может по цензурным правилам подлежать запрещению. Нужным считаю присовокупить, что и эти места сами по себе, как цитаты, не предосудительны и составляют выражение времен давно-минувших, не имеющих никакого соотношения с нашим

временем. Но по легкомыслию и невежеству многих читателей эти выписки могли бы для некоторых служить поводом к соблазну, и, следовательно, благоразумнее их устранить.

В дополнение к моим замечаниям позволю себе подкрепить их общим заключением. Более 40 лет принадлежу я званию писателей. С некоторым самолюбием и с благодарностью замечу, что деятельности моей по этому званию отчасти обязан я возможностью и честью подавать ныне голос мой в Главном управлении цензуры. Таким образом думаю без излишней гордости, что нельзя отказать мне по крайней мере в опытности моей по этому вопросу. Руководствуясь этою опытностью и добросовестным убеждением, которое, впрочем, разделяли со мною лучшие и благонамереннейшие наши писатели, начиная с Карамзина и Жуковского, скажу откровенно, что все многосложные, подозрительные и слишком хитро обдуманные притеснения цензуры не служат изменению в направлении мыслей, понятий и сочувствий. Напротив, они только раздражают умы и отвлекают от правительства людей, кои по дарованиям своим могут быть ему полезны и нужны. Наконец, эти притеснения или излишние стеснения могут именно возродить ту опасность, от которой думают отделаться прозорливостью цензурной строгости. Они могут составить систематическую оппозицию, которая и без журнальных статей и мимо стоковой цензуры получит в обществе значение, вес и влияние. Подозревая таких и таких-то писателей, правительство облекает их в политический характер и обращает на них общественное мнение. Самое молчание их полно смысла и значения. При законных средствах нашего правительства ему и нам еще долго нечего опасаться злоупотреблений нашей литературы. Скорее следует опасаться действия и последствий насильственного молчания. В умеренной свободе излагать свои мнения, желанья, сетования, даже и тогда, когда они не буквально согласны с общим порядком и ходом действительности, выражения эти уже и тем безвредны, что они самим делом выражения испаряются и к тому же обессиливаются, нейтрализуются противодействием других мнений, других воззрений и направлений. Взаперти всякий протест, даже в основании своем безопасный, крепнет и безмолвно вооружается. Правительство обязано заботиться не только о текущем дне и о случайных явлениях, с ним сопряженных, но еще более должно пещись о будущем и о событиях, которые могут зародиться в настоящем, чтобы впоследствии созреть и осуществиться.